

ГРАНИЦА МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ И ПРИВАТНЫМ В ЗВУКОВОМ СООБЩЕСТВЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА

Елена Богданова

Елена Богданова – научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург), докторант и приглашенный лектор Университета Восточной Финляндии. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. bogdanova.nova@gmail.com.

В статье представлена попытка применения концепции саундскейпа для изучения границы между публичностью и приватностью в современном российском селе. Эмпирическую базу составляет серия этнографических наблюдений, проводившихся на протяжении 15 лет в одном из сел Северо-Западного региона России. Анализ распространения звуков и восприятия их местными жителями показывает село как звуковое сообщество, в котором фоновые звуки являются проводниками социально значимой информации. Согласно результатам исследования ярко выраженная коммуникативная функциональность звуковой среды села размывает границу между публичностью и приватностью, порождая как дефицит приватности, так и дефицит публичности. Одно и то же пространство в зависимости от ситуации может обретать черты как частного, так и публичного. Звуковое сообщество российского села предписывает особые конвенции различения публичности и приватности, разделяемые местными жителями.

Ключевые слова: звуковое сообщество; современное российское село; саундскейп; публичное; приватное; этнография

Стимулом для написания статьи стали сомнения по поводу возможностей социологов, вооруженных «городским» аналитическим инструментарием, понимать и объяснять сельское сообщество. В той или иной форме о подобных трудностях говорят исследователи, пытающиеся объяснить процессы трансформации современного российского села. Все они так или иначе сталкиваются с переплетением огромного количества экзогенных и эндогенных изменений, через которые прошло российское село за последние десятилетия или, может быть, даже столетия. В течение постсоветских лет российское село утратило практически все основные характеристики, некогда определявшие специфику поселения и сообщества. Село в России сегодня зачастую не является «сельскохозяйственным», производствен-

ные единицы редко оказываются семейными, а в моделях социального воспроизводства не наблюдается преемственности (Бредникова 2012:55). Между тем село продолжает существовать как особая социальная форма, отличная от города и псевдогородских образований, таких как поселки городского типа или дачные поселения. Инаковость социального пространства села по сравнению с городским угадывается безошибочно.

Теря однозначные определяющие черты, село становится все более непонятным, сложным для социологического анализа. Стандартизированные представления о сельскохозяйственном производстве и сельском жизненном укладе перестают выполнять роль корректирующей оптики, которая некогда позволяла настраивать исследовательские инструменты. Сегодня необходима работа с самыми тонкими материями фоновой социальной реальности, скрытой в повседневной жизни и одновременно открывающей новые перспективы изучения сельского сообщества как особой формы социального существования, устойчивой к внешним влияниям.

Данные, собранные в ходе исследования, позволяют рассмотреть существование в современном российском селе одной из базовых социологических систем публичного и приватного. Воплощение этой дихотомии в условиях села всегда было одной из самых интригующих загадок для социальных исследователей. Общеизвестно, что «сельские» представления о публичности и приватности отличаются от «городских». В России эти отличия принято искать в традициях сельской общины, в специфике сельского расселения, в особенностях устройства традиционного сельского дома. В советские годы село подверглось существенным трансформациям под влиянием таких государственных суперпроектов, как коллективизация, индустриализация, урбанизация. Усилия государства были направлены на сокращение различий между городом и селом во всех сферах жизни: принципах организации работы, досуга, семьи и быта, жилья. При этом без сомнения были затронуты базовые представления о публичности и приватности.

В статье я постараюсь реконструировать особенности разграничения публичности и приватности в современном сельском сообществе при помощи изучения звукового ландшафта, или саундскейпа (soundscape), села, в частности – одного из ответвлений концепции, акцентирующей внимание на функциональности звуков в сообществе. Учитывая экспериментальность подхода, в качестве сопутствующей задачи также выделяется рефлексия по поводу возможностей и проблем применения данного метода.

Материал для этой статьи собирался на протяжении 15 лет. Благодаря удачному стечению обстоятельств за это время удалось реализовать два полноценных исследовательских проекта в одном и том же селе. Первый проект состоялся в период с 2002 по 2005 год¹, а второй в 2009–2010 годах². Оба проекта включали

¹ Исследовательский проект «Вдали от городов: жизнь восточноевропейского села. Деревенские жизненные миры в России, Эстонии и Болгарии» (совместный проект с Университетом Магдебурга), поддержан Deutsche Forschungsgesellschaft, 2002–2005 годы.

² Исследовательский проект «Социальная инфраструктура современной российской деревни: принципы организации и возможности развития», поддержан Институтом общественного проектирования, 2009–2010 годы.

этнографическое наблюдение повседневной жизни в качестве одного из обязательных методов.

В перерыве между проектами и после завершения работы в 2010 году удалось несколько раз посетить село. На протяжении 15 лет мы с коллегами из Центра независимых социологических исследований³ имели возможность отслеживать динамику изменений в одном и том же сельском сообществе, пополнять эмпирическую базу свежими наблюдениями, соотносить увиденное в поле с происходящими в стране трансформациями. Таким образом, эмпирическая база исследования сложилась из многочисленных интервью (более 60) и серии наблюдений, которые преимущественно и стали основой для этой статьи. Прямые цитаты из интервью в статье не приводятся, однако в процессе бесед нам неоднократно доводилось задавать местным жителям вопросы о звуках, сопровождающих в частности интервью и пронизывающих всю повседневную жизнь в селе. Ответы на вопросы вкупе с возможностью наблюдения за поведением информантов во время интервью позволили лучше разобраться в восприятии звуков, в способностях сельских жителей слышать их и различать их значения.

Акцент на наблюдении за звуками ожидаемо внес в исследование элемент автоэтнографии, так как исследователь оказался главным субъектом, замечающим и фиксирующим звуки. Это имело как преимущества, так и недостатки. Поскольку речь идет о распознавании фоновых звуков, то эффект «новичка» в сообществе приобретал решающее значение. Именно *другой* городской бэкграунд исследователя позволил деконструировать рутину сельской повседневности: замечать необычное в привычном, цепляться слухом за «странности», задавать вопросы о том, что местным жителям кажется очевидным. В то же время огромное количество фоновых звуков осталось не отрефлексированным и не расшифрованным, что оставляет пространство для дальнейших исследований.

ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПЦИИ САУНДСКОЙ ПА В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ И ПРИВАТНЫМ

Звуковые исследования – сравнительно молодая область этнографии, которая возникла как альтернатива окуляроцентричной социальной науке, ориентированной на видимое, на изучение взгляда и визуального. Исследования звука предлагают обратить внимание на звук как источник социологической информации и на слух как важнейший орган чувств, участвующий в считывании пространства. Исследования звуков концентрируются вокруг двух вопросов. Первый: что означает звук? Этот вопрос может задаваться множеством способов и приводить ко множеству заключений по поводу того, где и как звук был произведен, воспроизведен, циркулировал, воображался, передавался и понимался. Второй вопрос – методологический: каким образом мы как исследователи, изучающие звук, раскрываем

³ Многие идеи, изложенные в этой статье, стали результатом многолетней совместной работы с сотрудниками Центра независимых социологических исследований Ольгой Бредниковой, Виктором Воронковым, Ингрид Освальд, Ольгой Ткач, Еленой Никифоровой и Еленой Чикадзе.

его значение, как мы собираем данные, какими аналитическими рамками руководствуемся (Kelman 2010:214)?

Коммуникативная интерпретация звука заложена в изначальной трактовке саундскейпа. Понимание термина «саундскейп» самим автором Р. Мюрреем Шэфером (Schafer 1973) отсылает к фоновому шуму. При этом саундскейп у Шэфера не является описательной широкой категорией. Напротив, он наполнен сообщениями о том, какие звуки несут в себе значение, а какие – нет. Фоновый шум привлекает внимание исследователя, помогает нам сформировать понимание отдельных конкретных звуков и способы их слушания.

Многочисленные исследователи звуков, существующих в различных контекстах, сходятся в том, что слух человека зависит от локальности и исторически изменчив. Исследования саундскейпа Викторианской эпохи, предпринятые Джоном Пикером (Picker 2003), звуковая этнография проповедей, воспроизводимых с аудиокассет в различных публичных местах современного Каира Чарльза Хиршкайнды (Hirschkind 2006), историческое исследование Алана Корбина о звуках церковных колоколов во французской деревне XIX века (Corbin 1998) – все эти примеры подчеркивают связь между социальным контекстом и значением звуков, а также трансформацию этих значений во времени. Значение звука, по мнению исследователей, также изменяется по мере модернизации общества. Так, Корбин в своем исследовании приходит к выводу о том, что с наступлением эпохи модерности звуковые способы распространения информации были потеснены визуальными. Функции церкви, призванной сообщать местным жителям о времени суток, праздниках и значимых событиях, оказались утрачены вследствие распространения печатной рекламы, домашних календарей и часов. Звук (в данном случае – звук церковных колоколов) кардинально изменил свое значение, перейдя из фонового повседневного в разряд торжественного или тревожного.

Общепринятым среди исследований саундскейпа считается различие природы и значимости звуков в городском и сельском пространствах. Антрополог и художник Софи Аркетт, известная своими исследованиями многообразия городских звуков, говорит о том, что звук – один из маркеров, который делает город городом (Arkette 2004:161–162). Многослойность городского саундскейпа порождает целое направление исследований городского шума, а также актуализирует вопрос о распознавании в шуме сигнала, то есть звука, нагруженного смыслом. Чем выше различие между сигналом и шумом, тем легче опознавать, что является информацией, а что – нет (Schafer 1993:43). В отличие от города село – это пространство, очищенное от шума. Если саундскейп города представляет собой загрязненную, так называемую lo-fi, звуковую среду, шум, в котором слабо различимы звуки-сигналы, то сельский саундскейп, согласно Шэферу, напротив, является примером hi-fi саундскейпа, в котором отдельные звуки могут быть отчетливо слышны, так как уровень шумового загрязнения низок (Schafer 1993:43; Davis, Truax, and Schafer 2009).

Исследователи звуков сходятся также во мнении о том, что между звуком и социальным производством смыслов существует связь. Исследователи звука интересуются пониманием того, как звук циркулирует и какой вклад он вносит в спо-

события понимания окружающего мира. Изучение звуков предлагает иной способ интерпретации социальных процессов и отношений, чем исследование визуальных и текстовых источников (Jay 1993; Ong 2002).

По мере развития этнографии и антропологии возникает дискуссия о самодостаточности метода саундскейпа (Samuels et al. 2010:339–340), о его операционализации и инструментализации (Murphy 2006:465–466). Наше исследование показало, что в некотором смысле изучение звуков сопровождает и дополняет визуальные и текстовые источники, но ни в коем случае не дублирует их. Фоновые звуки являются самостоятельным источником социологической информации, анализ которой способен открывать стороны и аспекты социальной жизни, неподвластные другим методам. Это информация, о которой могут не рассказать в интервью в силу ее фонового, рутинного характера, и одновременно это такая информация, о которой интервьюер может не догадаться спросить. В тех случаях, когда звук сопровождает действие, возможности аудиальных методов совпадают с визуальными, но только отчасти. Так, исследователь может наблюдать забой скота в подсобном хозяйстве, фиксировать все многообразие практик, взаимодействий и солидарностей, возникающих по этому поводу. В то же время палитра звуков, сопровождающих процесс, имеет свое собственное богатейшее смысловое наполнение, расширяющее масштабы события до пределов ареала слышимости, а круг вовлеченных в действие – до числа способных услышать и верно интерпретировать звуки.

Другой пример: вряд ли исследователю удастся наблюдать перемещения мотоциклиста по ночному селу. Между тем звук мотора отследить можно даже не выходя из дома. Важно понимать, что ночной звук мотоцикла своим смысловым наполнением радикально отличается от звука дневного мотоцикла и может оказаться уникальным проводником к пониманию ночной жизни села, локализации ночных активностей, основных ее агентов, а также принятых в селе правил ухода.

Эмпирический вопрос, который при этом закономерно возникает у исследователя, – с чего начинать? Стоит ли фокусироваться на одном конкретном типе/источнике звуков или нужно рассматривать особую среду, в которой определенные звуки формируют социальный конструкт места? В нашем исследовании логика была дедуктивной: осмыслив звуковую среду села в общем, мы перешли к изучению и пониманию отдельных звуков.

Особенно важным для интерпретаций результатов наблюдений оказалось функциональное направление исследований саундскейпа, связанное с именами Кэй Шелемэй (Shelemay) и Барри Труа (Truax). У Шелемэй идея функциональности саундскейпа воспринимается как метафора для понимания отношений – любых отношений между звуком, его значением и контекстом. «Чтобы лучше понять саундскейп, нам надо собирать информацию о повторяющихся [звуковых – прим. авт.] событиях и собирать массив дополнительной информации о звуке, его настройках, и значительности» (Shelemay 2006:xxxv). Труа схожим образом понимает саундскейп, но в большей степени подчеркивает его коммуникативную функцию. Исследователь видит основные принципы идеи коммуникации в балансе

звука, слушающего и окружающей среды. Труа ограничивает понимание звука до коммуникации и предлагает наиболее проработанный пример коммуникативной функции звука. В определенных средах звук способен создавать сложную систему смыслов и отношений, которые Труа называет «звуковой коммуникацией» (Truax 1978, 1984). Модель звуковой коммуникации основана на функции обмена информацией. В центр этой модели помещена фигура слушающего, поскольку именно слушающий востребует информацию, поступающую из окружающего пространства, и определяет ее значимость. Внимательному вслушиванию Труа противопоставляет отвлеченное восприятие звуков, говоря о том, что большую часть времени мы обрабатываем информацию об акустических сигналах на фоновом уровне, не сосредотачивая на них особого внимания. Эта информация обеспечивает средовой контекст сознания, присутствующий непрерывно и обычно глубоко укорененный в нашем сознании (Truax 1995:3014–3015).

Восприятие фоновых звуков и понимание их функциональности – это сложный когнитивный процесс, который включает этапы обнаружения, распознавания образов и сравнение с известными образцами и маркерами окружающего пространства. Вместе с тем фоновое слушание может стимулировать осознанную концентрацию внимания при возникновении соответствующей потребности или мотивации слушающего. Всем известно, как распознаются голос, шаги или звук открывающейся двери, даже когда мы не прилагаем особых усилий для того, чтобы слышать. Звук привлекает внимание либо тогда, когда он нам не известен, либо тогда, когда он известен и при этом значим. В такой ситуации определенный звук выбивается из фона и обретает особый смысл, по определению Труа – «выходит на передний план». Труа называет эту ситуацию «подготовленное подслушивание» (“eavesdropping-ready”), поскольку она включает в себя не только прослушивание фоновых звуков, но и определение их актуальной значимости (Truax 1995:3015). Успешное выполнение данной операции требует благоприятной акустической среды, которая не препятствует передаче информации, а также активной когнитивной обработке неизвестных образцов и сравнения их с известными. Для определения сообщества, в котором звук является проводником отношений между слушающим и окружающей средой, Труа предлагает понятие «звукового сообщества» (Truax 1984). Как и многие другие исследователи, Труа представляет село как более благоприятную среду для существования звукового сообщества по сравнению с городской.

Пользуясь категориями Шэфера, можно сказать, что в современном российском селе сохраняется hi-fi саундскейп, то есть звуковой ландшафт села очищен от какофонии звуков и шума, характерных для города. В пространстве села звук способен сохранять индивидуальные черты и выполнять функцию сигнала. Особенностью звукового сообщества можно считать то, что фоновые звуки являются проводниками социально значимой информации, скрытой в рутине повседневности.

Второй значимой особенностью нашего кейса является специфика социальной организации сельского сообщества. В России, в частности в исследуемом регионе, сообщество представляет собой плотную социальную ткань, в которой раз-

личные статусы и роли накладываются друг на друга. Школьный учитель, местный активист, сосед, двоюродный брат, совладелец земельного участка – все это ипостаси одного человека, каждая из которых значима для идентификации роли и места в сообществе. Небольшая численность населения села создает ситуацию, когда каждый знаком с каждым. Такое пространство всеобщего соседства (Богданова 2012:124–125) диктует особые правила выстраивания и сохранения репутации, особые принципы разграничивания публичного и приватного.

В качестве иллюстрации можно привести пример, показывающий разницу значений фоновых звуков в городе и селе. Звук начавшегося ремонта, доносящийся из соседней квартиры, в городе вряд ли для кого-то несет какие-либо личные смыслы (кроме раздражения от шума). В селе звуки ремонта квартиры или дома могут служить знаком, дающим соседям (и сельчанам вообще) пищу для размышлений и социально значимых выводов: если начали ремонт, значит, в семье есть излишки денежных средств (представим, что эта информация накладывается на циркулирующие в сообществе сведения о том, что эта семья не выплачивает долг соседу или отказывается оплачивать обеды собственных детей в школе). Другие возможные интерпретации: ожидается пополнение в семействе, «хорошие» внуки приехали и помогают старикам и т. п. Анализ подобных интерпретаций способствует пониманию принципов стратификации сельского сообщества, приоткрывает значения репутации, особенности семейных, соседских и деловых отношений, структурирование повседневной рутины, и, наконец, интериоризованные представления о публичности и приватности.

Рассматривая саундскейп в контексте коммуникации, Труа сужает понятие, чтобы пояснить, как звук функционирует (Truax 1984:xiv, xv). Помещенный во фрейм коммуникации, саундскейп становится видом воображаемого публичного общего, в котором люди могут разговаривать, слушать, развивать чувство причастности к сообществу и достигать чего-то вроде гражданского соглашения. Это звуковой контекст социального взаимодействия. Труа видит в коммуникационном саундскейпе аналогию понятия хабермасовской буржуазной публичной сферы, которая представляет собой идеальную сферу человеческого взаимодействия, в которой шум, несогласованность, болтовня и прерывания могут нарушать ожидаемый баланс (Kelman 2010:225).

Способность звука проводить информацию ставит под вопрос привычные основания определения границы между публичным и приватным. Саймон Сасен суммирует различные взгляды на публичность и приватность, которые были концептуализированы и использованы различными способами в общественно-политической мысли, и выделяет три основных признака, в соответствии с которыми обычно проводится граница между публичным и приватным: общество *vs* индивид (коллективное *vs* личное), видимость *vs* маскировка (прозрачное *vs* сокрытое) и открытость *vs* закрытость (доступное *vs* недоступное) (Susen 2011:41–42).

Как видно из такой сводной формулы, акцент сделан на визуальное восприятие социальной реальности, а значение звука в выделении публичного и приватного маргинализировано. Между тем исследователями давно отмечен тот факт, что звук способен нарушать границы приватности (Герасимова 2000; Возьянов

2010; Waldock 2016). Исследование близкого соседства в коммунальной квартире, проведенное Екатериной Герасимовой, показывает, что плохая звукоизоляция делает границы «личной жизни» очень зыбкими и создает скорее «иллюзию приватности» (Герасимова 2000:80). По мнению автора, подобная проницаемость границы приводит к тому, что принятое считать приватным «оказывается открытым и контролируемым внешне» (80).

Другой российский исследователь Андрей Возьянов (2010) изучал схожий феномен близкого соседства в общежитии. При этом концепция саундскейпа была применена к изучению чрезвычайно насыщенной шумом среды общежития консерватории, в которой саундскейп представлен постоянной какофонией звучащих на все лады музыкальных инструментов. Для нашего исследования важным является вывод Возьянова о способности человека приспосабливаться к агрессивной звуковой среде и «ставить защиту», «не слышать» шум тогда, когда это необходимо для реализации базовых потребностей (таких, например, как отдых и сон). Это означает также, что избирательность слуха является приобретаемым навыком, детерминированным повседневной звуковой средой.

Таким образом, если пространство села звукопроницаемо, а звуки способны передавать социально значимую информацию, то изучение фоновых звуков является важным ключом к изучению правил социальной организации сельского общества. Применяя концепцию саундскейпа к исследованию публичности и приватности современного российского села, я ставлю следующие вопросы: что происходит с границей между публичным и приватным в сельском сообществе? Сохраняет ли приватность звук, доносящийся из дома? Становится ли такой звук публичным, как считает, например, Жаклин Уолдол (Waldock 2016:64)? Применима ли в принципе дихотомия публичного и приватного к сельскому сообществу? Кроме того, эта работа вносит вклад в исследование звуковых сообществ, пополняя их российским материалом, предлагая новые характеристики и уточняя уже сделанные наблюдения.

ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ СЛУХА ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА

Большинство звуков, которые городской исследователь фиксирует в своем сознании и дневнике наблюдений являются для сельских жителей фоновыми, едва ли заметными в суете повседневных забот. Между тем чрезвычайная значимость звуков для ориентации сельских жителей во времени и пространстве очевидна. Об этом свидетельствует в частности избирательность слуха местных жителей, которую неоднократно доводилось наблюдать в ходе исследования. Согласно Труа, слух игнорирует фоновые звуки, но фокусируется на необычных звуках либо, напротив, на часто повторяющихся, несущих особый сигнал (Tuaux 1995). О способности игнорировать фоновые звуки судить трудно, однако в способностях распознавать привычные звуки-сигналы нам не раз приходилось убеждаться.

Приведу пример. Остановка рейсового автобуса находится на шоссе, на расстоянии приблизительно 300 метров от села. За все время пребывания в селе мы так и не научились различать шум мотора приближающегося автобуса, хотя для

местных жителей это обыденный навык. Село N не является конечной остановкой, автобус часто приходит с нарушением расписания. Отклонение от графика может составлять до 30 минут в обе стороны, при этом местные жители всегда в курсе, если автобус прошел раньше времени и ждать его не стоит. Более того, шоссе имеет характерный изгиб на отдалении нескольких километров от села. Когда автобус проходит через это место, шум мотора автобуса оказывается слышим для местных жителей. Для нас же так и осталось загадкой, каким образом наши соседи, ожидающие автобус на остановке, умудрялись точно предсказывать его прибытие за 3–4 минуты до того, как он появлялся на дороге.

Другой пример связан с уходом за живностью. Неоднократно нам приходилось отмечать, что слух хозяйки или хозяина тонко настроен на распознавание любых отклонений в голосах домашних животных и птиц. Хозяинастораживает то, что собака не подает голос слишком долго или, напротив, лает слишком громко. И первое, и второе является поводом для посещения питомца и проверки, все ли в порядке. Блеянье овец, возвращающихся с пастбища, хозяин слышит задолго до того, как самые первые звуки стада будут распознаны неприученным ухом городского исследователя. Одно из интервью собеседница прервала, объяснив это тем, что услышала писк цыпленка. Для интервьюера звук не был различим, однако хозяйка ушла и вернулась вместе с цыпленком, благополучно спасенным из проволочного забора, в котором тот застрял.

Какие-то звуки казались нам, недавно приехавшим и не знающим их значения, пугающими. Например, сезонные изменения уровня воды в местном озере сопровождаются довольно громким воющим звуком. Для местных жителей эти звуки – часть привычного фонового саундскейпа. Нам же пришлось мучиться догадками о природе этих звуков до тех пор, пока сельчане не объяснили нам, в чем дело.

Наблюдения за звуками подтверждали, что повседневная жизнь местных жителей в ее временном, пространственном и социальном измерениях соотносится с фоновыми звуками. Повседневность местных жителей предполагает постоянный обмен звуковой информацией с окружающей средой. Звуковая среда в селе обретает особую функциональность, перформативность, многослойность и обогащенность смыслами. Как звуковое сообщество, село вырабатывает свой способ слышать и понимать звуки и на основании этого понимания строить коммуникацию. Для местных жителей эти смыслы являются разделенным знанием, что усиливает конституирующие связи внутри сообщества и одновременно затрудняет адаптацию в нем «чужих», прибывших извне.

Саундскейп не дублирует ни визуальную, ни вербальную информацию, а несет в себе самостоятельный набор смыслов, без познания которых невозможна приватизация исследуемого пространства. Через месяц проживания в селе возникает ощущение, что значения фоновых звуков освоены, однако это не так. То, чего достигли мы, – это более или менее комфортное существование в незнакомой до этого звуковой среде. Достоверное же понимание уровней, смыслов и функций сельского саундскейпа – результат длительной социализации в сельском сообществе, в процессе которой усваиваются навыки слушания: распознавания

информации важной и неважной, «открытой» и «закрытой», адресованной или не адресованной реципиенту. То, что слышим, – необязательно значимо. И наоборот: не все, что значимо, распознается слухом городского исследователя. Изучение границы между публичным и частным в звуковом сообществе требует тонких наблюдений за звуками, аккуратных интерпретаций и постоянных уточнений у местных жителей.

ОПИСАНИЕ КЕЙСА: СОВРЕМЕННАЯ КОНФИГУРАЦИЯ СЕЛА N И БОРЬБА ЗА ПРИВАТНОСТЬ

Следуя концепции саундскейпа, требующей детальной контекстуализации изучаемого кейса, в этом разделе я предлагаю детальное описание села, которое стало главным местом проведения этнографического исследования. Для понимания трансформаций последних лет осуществлен небольшой экскурс в историю застройки села. Важно сразу отметить, что в современной России не существует села как единой типизированной формы поселения или сообщества. Масштаб сел (по занимаемой территории и по численности населения), характер занятости жителей и набор доступных ресурсов могут кардинально отличаться в зависимости от региона, географического положения, истории развития и многих других факторов. Различия между селами в численности населения могут быть весьма существенными. Так, в северных регионах село с численностью населения 300 человек считается достаточно крупным, в то время как в южных регионах в одном селе может проживать несколько десятков тысяч человек. От размера сообщества напрямую зависят возможности акустической среды и способности фоновых звуков передавать социально значимую информацию. Контекст данного исследования, как и набор звуков, которые довелось услышать, характерны для северо-западного села России, что необходимо учитывать при генерализации данных исследования и при попытках воспроизвести подобные исследования в других регионах.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕЛА N

Село N находится в Северо-Западном регионе России, в Новгородской области. Будучи последним элементом в цепочке административного деления территории, оно представляет собой пример российской глубинки, удаленной от областного и районного центров. Дислокация села имеет определенные преимущества. Во-первых, мимо проходит трасса, соединяющая село напрямую с областным центром и другими важными пунктами местной инфраструктуры. Во-вторых, село примерно одинаково удалено от Санкт-Петербурга и Москвы и имеет с обеими столицами не прямое, но достаточно удобное железнодорожное сообщение, что делает его привлекательным для дачников. Село окружают сосновый лес, с одной из сторон – озеро.

В советские годы в селе существовало сельскохозяйственное предприятие, специализировавшееся на животноводстве. С начала 1990-х годов ситуация в совхозе начала ухудшаться. Сменив несколько директоров и форм собственности, совхоз в итоге обанкротился в начале 2000-х. Все оставшиеся совхозные коровы были переданы в ближайшее более успешное хозяйство. Постройки сельхозпред-

приятия были изначально возведены на небольшом отдалении (около километра) от села. Коровники и кормохранилища на сегодняшний день почти полностью разрушены. Сохранившееся здание администрации совхоза используется по сей день: в начале 2010-х годов в него переехали сельский клуб и библиотека, которые ранее располагались в центре села.

Застройка села плотнее в центре и более разреженная на окраинах. Основная инфраструктура сосредоточена в центре села: администрация сельского поселения, школа, почта, фельдшерский пункт, детский сад, магазины. В селе есть церковь, которая располагается в стороне от основных инфраструктурных объектов, на самой старой улице села. Ближе к центру дворы прилегают друг к другу, но на окраинах переходят в отдельно стоящие хозяйства, удаленные друг от друга на достаточно большое расстояние. Центр села застроен старыми домами, сохранившимися с дореволюционных времен, и домами, являющими собой результаты различных «волн» совхозного строительства. Отдаленные домохозяйства построены в основном недавно в частном порядке.

В селе сохраняются личные подсобные хозяйства. На данный момент это, как правило, огороды с необходимыми плодовыми и овощными посадками, картофельные поля. За последние 15 лет все жители села избавились от крупного рогатого скота, но по сей день многие продолжают держать домашнюю птицу, овец, свиней.

По численности населения и типу расселения село является достаточно типичным для северного региона России. Постоянно там проживает чуть более 300 человек. В период каникул и отпусков приезжают немногочисленные дачники. Дачниками считаются и те, кто стал приезжать на отдых недавно, и те, кто когда-то жил в селе, но переехал в город, сохранив дом для летнего пребывания.

ИЕРАРХИЯ ЖИЛЬЯ

То, как село выглядит сейчас, является результатом многолетних трансформаций, предпринимаемых самими местными жителями собственными усилиями и в соответствии с собственными представлениями, а также осуществляемых в рамках крупных государственных проектов по изменению села. Проекты урбанизации и индустриализации села реализовывались в советские годы во всесоюзном масштабе и следы их заметны в большинстве российских сел. В этом смысле село N является типичным примером того, как социалистические государственные проекты укрупнения и урбанизации повлияли на конфигурацию и характер застройки и на внешний вид села. Благоприятное расположение деревни относительно трассы и районного центра способствовало тому, что в 1960-е годы село N было признано «перспективным», получило статус центральной усадьбы сельхозпредприятия (совхоза), туда было переселено большинство людей из близлежащих «неперспективных» деревень. В лучшие годы численность населения достигала 1000 человек. В то же время не все «неперспективные» деревни, располагающиеся вокруг села N, полностью опустели и перестали существовать. По сей день село N является административным центром муниципального образования и объединяет около двух десятков мелких поселений с населением от 2 до 10 человек.

Общее пространство села сравнительно компактно. Взгляд на село со стороны оставляет ощущение общего пространства, границы частных хозяйств в котором лишь слегка намечены. Отсутствие высоких глухих заборов и многоэтажных построек делает его проницаемым для звуков. Обычно это штакетник, оставляющий видимым и слышимым все, что происходит во дворе. В ряде случаев это символическое ограждение невысокой металлической решеткой, скорее служащее для обозначения границ двора, но не для обеспечения безопасности или изоляции. Днем часто можно видеть ворота двора открытыми нараспашку, что является свидетельством того, что хозяев нет дома. Типы жилья, существующие в селе, не обеспечивают полной изоляции жизни домохозяйства ни от взора, ни от слуха соседей. Разные типы жилья создают разные режимы соседства: от тесного сосуществования жильцов многоквартирного дома до расположенных неподалеку друг от друга отдельных домохозяйств.

Изначально деревня была застроена традиционными деревенскими одноэтажными домами. Старейшая, некогда единственная улица деревни существует до сих пор. Довольно много старых домов уцелело, в них по сей день живут сельчане. Несколько домов было перенесено жителями при переселении из соседних деревень: сруб разбирали на бревна, перевозили и собирали на новом месте.

Традиционный деревенский дом синкретичен в силу тесной связанности уклада семьи с формой хозяйствования. До революции сельское хозяйство осуществлялось силами семьи. Жизненный цикл, ритм и пространство крестьян было теснейшим образом связано с домом и хозяйством, которое, как правило, располагалось во дворе или в другой – нежилой – части дома. Деление дома на жилую и нежилую части (хоздвор) отражает принципы уклада жизни крестьян. В нежилой части располагаются помещения для домашнего скота, корма, сена, легкой сельскохозяйственной техники, инструментов. Здесь же расположен туалет.

Жилая отапливаемая часть дома традиционно представляет собой единое помещение, в центре которого выстроена русская печь. Перегородки, разделяющие комнаты и кухню, которые можно наблюдать в таких домах в настоящее время, достроены позже. Часто эти перегородки не глухие – не достают до потолка. Такие стены сегрегируют пространство, позволяют спрятаться от взгляда, но не изолируют звуки. Жилая часть традиционного дома представляет собой единое звуковое пространство.

Как правило, пространство вокруг дома огорожено забором и занято огородом, садом или двориком. Там же располагаются хозяйственные постройки: сараи, гаражи, дровяники, бани и пр. В последние годы в связи с сокращением или даже полным отказом от содержания домашних животных некоторые хозяева разбирают хоздворы или перестраивают их в жилые помещения – летние кухни, гостевые домики.

Более современные постройки образовали новые улицы, условно разделив пространство села на «старые» и «новые» районы. Очередная волна строительства жилья имела место в конце 1970-х – 1980-е годы⁴. Помимо обеспечения сель-

⁴ Подробнее об особенностях жилья в селе см.: Богданова 2012.

чан жильем, возведение новых жилых домов было призвано решить задачи государственного проекта урбанизации села. Типовая застройка деревень данного региона многоквартирными двух- и трехэтажными домами была разработана еще в 1965 году. В селе было предусмотрено строительство нескольких домов городского типа и полное обеспечение их инженерными коммуникациями: газопроводом и водопроводом. Проект строительства домов городского типа в селе должен был разрушить принцип индивидуального крестьянского хозяйства, в котором место проживания слито воедино с местом работы (Освальд 2012:10). Следуя логике урбанизации села, реформаторы предполагали, что отделение места работы от места проживания будет способствовать укоренению в селе городского образа жизни.

Из-за дефицита инвестиционных ресурсов в стране, обнаружившегося к началу 1970-х годов, множество планов в гражданском строительстве не было выполнено и реализация проектов и программ преобразования сельских поселений была нарушена. Проекты строительства домов городского типа реализовывались примерно в этот период. К моменту окончания строительства многоквартирного дома финансирование значительно сократилось, и ни газ, ни воду провести не удалось. Газовый накопитель сделать успели, и, по воспоминаниям некоторых жильцов дома, какое-то время после заселения, правда очень недолгое, газом пользовались. Впоследствии все квартиры дома перешли на баллонный газ. Для отопления в квартирах оборудованы печи. Так же, как и все остальные сельчане, жители многоквартирного дома вынуждены заготавливать дрова на зиму. Водопровод тоже не был доведен до квартир, вместо этого был выведен в две колонки рядом с домом, которые просуществовали недолго. Более 10 лет жители дома брали воду в ближайшем колодце, который находится примерно в 60 метрах от дома. В конце 1990-х годов, к радости жителей, вырыли колодец рядом с домом. Туалеты оборудованы в квартирах, однако, поскольку дом не подключен к водопроводу, все отходы накапливаются в выгребной яме прямо под домом.

Почти все квартиры первого этажа имеют небольшие огороженные палисадники, в которых растут цветы, овощи и зелень. Общее пространство вокруг дома никак не огорожено. Рядом есть кое-какие хозяйственные постройки, относящиеся к дому: в основном сарай для хранения дров, инструментов и других полезных в хозяйстве вещей.

Уже в процессе строительства проект многоквартирных домов в сельской местности подвергся серьезной критике по многим причинам. Во-первых, проблемы обеспечения домов такими «городскими удобствами», как горячая вода, газ, отопление, возникли в большинстве регионов. Во-вторых, проживание в таком доме сильно осложняло ведение привычного для сельских жителей образа жизни. Большинство жильцов не отказались от собственных огородов и от содержания домашней птицы, среднего и даже крупного скота. Все личное подсобное хозяйство оказалось существенно удалено от дома, что породило множество проблем с его обслуживанием, с охраной урожая и хранением произведенной продукции. При этом важно понимать, что содержание личных подсобных хозяйств (ЛПХ) всегда было необходимостью, позволяло выжить в условиях безработицы и

затяжного кризиса. В-третьих, проживающие в многоквартирном доме попадают в не совсем привычную для сельских жителей ситуацию близкого соседства, при котором неизбежно возникают проблемы пользования общим пространством подъездов, чердаков, прилегающей к дому территории. Кроме того, плохая звукоизоляция квартир вовсе лишает людей «кулис» (Goffman 1971), необходимых для сохранения приватности. В доме располагается 16 двух- и трехкомнатных квартир. Внешние стены дома построены из кирпича, а внутренние перегородки сделаны из тонких гипсокартонных плит. Звукопроводимость здесь очень высокая, что причисляется самими жителями к одному из основных неудобств проживания в этом доме.

Вследствие массовой критики строительства многоквартирных домов в сельских поселениях в начале 1980-х годов был разработан новый проект, предполагавший строительство одноэтажных домов усадебного типа «на две семьи». Такой дом разделен на две квартиры, при этом каждая квартира имеет отдельный вход. В распоряжении хозяев такой квартиры небольшой двор и огород. Планировка квартир имеет много общего с типовыми городскими квартирами. Обычно в ней три (реже – две) комнаты и кухня. При этом в доме обязательно есть веранда, выполняющая роль традиционных сеней или летней кухни. Это довольно просторная, неотапливаемая и обычно нежилая часть дома, предвещающая вход в квартиру. Часть веранды занимают туалет и кладовая.

Еще более поздним трендом централизованного строительства стал возврат к проекту индивидуальных домов усадебного типа. Последняя волна совхозного строительства оставила в селе несколько таких домохозяйств, в которых дом, рассчитанный на одну семью, окружен достаточно просторным двором и огородом. Дома такого типа локализованы в так называемой новой части села, которая отделена от старого центра, но тем не менее включена в общий компактный дизайн села.

Последние строительные проекты совхоза были реализованы в конце 1980-х годов. После этого на территории села было построено еще несколько домов. Все они являются результатом индивидуальных усилий самих хозяев этих домов и отражают их собственные представления о комфорте и качестве жилья. Примечательно, что все эти дома построены на значительном отдалении от той части села, где сосредоточены дома основной застройки. Каждый из домов рассчитан на одну семью и окружен земельным участком, на котором выделено место для огорода и возведены все необходимые дополнительные постройки: теплицы, сараи, гаражи, бани.

Таким образом, история застройки села наглядно показывает соперничество между усилиями государства и предпочтениями самих местных жителей. Типы жилья и история их возведения отражают суть государственных проектов индустриализации и урбанизации села, направленные на превращение сельских жителей в городских. Попытка навязать сельским жителям необходимость проживания в доме городского типа неизбежно связана с трансплантацией городских представлений о приватности. Вся последующая история строительства свидетельствует о полном провале проекта и о поэтапном возвращении к индивидуальным типам жилья.

Расположение и организация наиболее новых домов в селе позволяют судить о предпочтениях современных сельских жителей, освобожденных от рамок государственных проектов. При ослаблении внешних вмешательств воспроизводится модель отдельного дома, рассчитанного на одну семью, пространственно дистанцированного от соседей. Организация дома и прилегающего пространства приспособлена для удовлетворения потребностей современной сельской семьи в производстве сельскохозяйственной продукции; наличии места, предназначенного для автотранспорта и хранения сельскохозяйственной техники, хранения сезонных заготовок; потребностей, касающихся заботы о детях, проведения досуга. Удаленность новых построек от района основной застройки села свидетельствует о нарастающей потребности семей в приватности, скрытой не только от взгляда, но и от слуха соседей.

ПРИЗНАКИ ЗВУКОВОГО СООБЩЕСТВА: САУНДСКЕЙП СЕЛА КАК СИСТЕМА ВРЕМЕННЫХ, ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ КООРДИНАТ

В звуковой этнографии принято разделять город и село как два принципиально разных звуковых пространства. В нарративе самих сельских жителей дихотомия города и села часто определяется именно через звуковую составляющую, согласно которой село является пространством тишины (Бредникова 2012:47–48). Тишина выступает как маркер села, как его преимущество в сравнении с шумным, «сумасшедшим» городом.

«Тишина» как характеристика звуковой среды села довольно контринтуитивна, поскольку на слух городского исследователя тишиной вовсе не является. В селе нет городского шума, однако пространство села наполнено звуками. Стереотипные звуковые маркеры села легко узнаваемы: крик петуха, мычание коров, стук топора, щебетание птиц – все они служат мощным инструментом передачи образа и контекста того села, которое мы можем наблюдать в России сегодня. Для исследователя, только что прибывшего из города, повседневность села наполнена звуками разной громкости и насыщенности, эти звуки могут удивлять, озадачивать, нарушать ход мыслей и разными другими способами влиять на восприятие окружающей реальности. Для местных жителей большинство звуков существуют либо в режиме фоновых, не рефлекслируемых, либо сугубо функциональны и информативны, выполняют скорее роль сигналов, наполненных смыслами. Отталкиваясь от такого самого первичного предположения о звуковом измерении сельского пространства, рассмотрим его более детально.

РИТМЫ ЖИЗНИ СЕЛА В ЗВУКАХ

Ритмы жизни села имеют звуковые маркеры. Утро, день, вечер и ночь имеют свое звучание. Утро начинается со звуков стада, выгоняемого на пастбище. Лязганье ведер после утренней дойки, мычанье коров и бляенье овец, негромкие диалоги хозяек и хозяев, которые вышли проводить скот на пастбище. В ходе наших многолетних наблюдений мы имели возможность проследить, как практика выгона скота и весь сопутствующий ей диапазон звуков почти исчезли из повседневного

сти села. По мере того, как жители избавлялись от скота, саундскейп села терял значимую составляющую, которая некогда служила маркером общей практики и общего опыта сельчан. На данный момент в селе существует небольшое стадо овец. Некогда плотный объединяющий звук большого стада превратился сегодня в перекличку десятка голов, в которой различим голос каждого животного.

Утро в селе – это также звуки заводящихся моторов тракторов, автомобилей, мотоциклов. Этот сегмент сельского саундскейпа тоже существенно изменился за время нашего исследования: рокот тракторов из него практически исчез. В начале 2000-х годов, когда сельскохозяйственное предприятие здесь было признано банкротом, сельхозтехника была распродана местным жителям. С тех пор прошло почти 15 лет, и за это время практически вся она пришла в полную негодность. У местных жителей нет возможностей ни приобретать новую сельхозтехнику, ни серьезно ремонтировать старую. Оставшиеся тракторы используют сезонно: для вспашки почвы весной или для заготовки дров летом. Звук трактора из суточного маркера превратился в сезонный.

Вместе с тем гораздо более распространенным в селе стал звук мотора легкового автомобиля. Количество доступных рабочих мест здесь очень ограничено, почти все они «женские»: учитель, воспитатель, продавец, библиотекарь, сотрудник дома культуры. Практически все возможности занятости для мужчин находятся вне села, на расстоянии десятков километров. В таких условиях легковой автомобиль превратился в предмет острой необходимости, а звуки моторов легковых автомобилей встроились в ежедневный ритм, оповещающий о начале и окончании рабочего дня.

Днем – особенно по выходным и праздничным дням – в селе часто слышны звуки работающей бензопилы, топора, молотка. Строительство, ремонт, заготовка дров – все это осуществляется частным порядком в каждом из домохозяйств. Проекты, связанные с коллективным или централизованным строительством, в последние 30 лет не реализовывались. «Трудовые» звуки, доносящиеся из двора или дома, работают на позитивную репутацию семьи. Напротив, их отсутствие сообщает о социальной уязвимости или маргинальности проживающих. Так, в ходе одной из поездок нам довелось быть свидетелями конфликта между соседями, один из которых – житель «молчаливого» двора – не позаботился вовремя о заготовке дров на зиму и пытался использовать в качестве отопительных материалов общий забор.

С наступлением вечера звуковой фон меняется, отмеряя суточный ритм жизни села. В вечернее время многие занимаются поливом посадок и в связи с этим часто можно слышать гул насосов, доставляющих воду на грядки. Многоголосие возвращающихся с пастбища овец означает определенный час, на который ориентируются хозяева. Вечерние дела могут подстраиваться под это время: «сходить в баню до овец» или «доварить варенье после овец». С приходом темноты смолкают вечерние звуки и появляются ночные: пение сверчков, стук бабочек о стекло, ночные разезды мотоциклистов.

Звуковой фон зависит и от смены сезонов. Летняя деревня гораздо больше наполнена звуками по сравнению с зимней. Несмотря на существенное сокращение сельскохозяйственной составляющей, работа на личном подсобном хозяйст-

ве продолжает играть важную роль в повседневности сельчан. Основная деятельность по выращиванию, уборке и обработке урожая приходится на летнее время. Кроме того, в теплый сезон осуществляются работы, связанные с обеспечением домохозяйства необходимыми ресурсами: дровами, сеном, грибами, ягодами и прочим, что насыщает соответствующими звуками летний саундскейп.

Еще одно временное измерение сельского саундскейпа задается праздниками и другими важными событиями, предполагающими какие-либо коллективные действия. Особо хотелось бы отметить роль церкви, которая за время нашего знакомства с селом существенно возросла. В начале 2000-х, впервые приехав в село, мы увидели очень красивую церковь, которая пребывала в удручающем состоянии. Усилиями местных активистов за 15 лет был проделан колоссальный объем работ по ремонту здания, реставрации фресок и икон, а также предприняты усилия для привлечения внимания местной епархии и национальной программы восстановления культурного наследия, привлечения местных жителей и дачников к участию в службах и других мероприятиях церкви. На данный момент церковь выполняет важную консолидирующую функцию в сообществе, ориентируясь не только на верующих, но на всех жителей села. Местные активисты вместе со священником тщательно подготавливают все церковные праздники, которые могут сопровождаться службой, а могут состоять из веселых мероприятий для детей (например, на Пасху или Рождество). В церкви также отмечают события светской жизни – как, например, поздравление первоклассников на Первое сентября. Наши многолетние наблюдения позволяют утверждать, что функции, которые выполняет сегодня церковь в селе, являются не только и не столько религиозными, сколько культурно-досуговыми, консолидирующими самых разных представителей сообщества.

Активность, формирующаяся вокруг церкви, порождает новый для сообщества набор звуков. Это звуки регулярных служб и ежегодного крестного хода, которые слышны в близлежащих дворах. У церкви нет колокольни, но есть небольшие колокола, которые вывешиваются у входа в церковь по праздникам. Колокольный звон оповещает о службах и других церковных событиях. Звук колоколов разносится по всему селу и сейчас начинает претендовать на сигнал, смысл которого становится общим для всего сельского сообщества.

Итак, исследование показывает село как звукопроницаемое пространство. Фоновые звуки выполняют функцию хронометра, отсчитывающего суточные и сезонные циклы, маркирующие будни и праздники. Для местных жителей фоновые звуки, доносящиеся с улицы, являются ориентиром, помогающим структурировать собственную суточную и сезонную активность и соотносить ее с активностью соседей. Звуки являются важным инструментом выстраивания репутации семьи и служат источником информации о происходящих в селе событиях. Звуки формируют систему координат, структурированную во времени и пространстве, – единую, разделяемую всеми жителями села, знание которой служит дополнительным идентификатором «своего» или «чужого». В последние годы «общие места» звукового ландшафта смещаются из сферы труда и ухода за животными в сферу досуга и новых практик – например, (около)церковных.

ЗВУКИ СЕЛЬСКОГО ДОМА

За время работы нам довелось пожить в разных домах села. Каждый раз мы арендовали отдельное жилье, без хозяев. Каждый из домов стал источником звуковой информации. Звуки каждого вновь осваиваемого дома в чем-то совпадали с предыдущими, а в чем-то дополняли «коллекцию». В этом разделе осуществляется попытка показать то, как звучит саундскейп сельского дома. Специфика устройства дома порождает целую гамму звуков. Также, пространство дома не изолировано полностью от звуков улицы. Осмысление набора доступных звуков, а также сама особенность звукопроницаемости дома должны стать очередным шагом к пониманию границы между публичностью и приватностью сельского сообщества. Если в известных концепциях очертания дома совпадают с границами приватности (см.: Арендт 2000), то где проходит эта граница в российском селе?

Первый набор домашних звуков связан с особенностями строительства и благоустройства. Для строительства и ремонта сельских домов чаще всего используются привычные доступные строительные материалы: дерево, кирпич, обои или клеенка (на кухне) для оклейки стен, сухая штукатурка для их утепления, дерматины для обивки дверей. Пол из досок, постеленных на лаги, между которыми оставлены большие расстояния. Когда ходишь по такому полу, доски немного прогибаются и поскрипывают. Электрические сети деревенского дома обычно не рассчитаны на высокое напряжение. Сказывается еще и то, что последние совхозные дома были построены около тридцати лет назад и электропроводка сильно изношена. Нестабильное напряжение приводит к тому, что многие используют стабилизаторы. Работающий стабилизатор создает фоновый шум, примешивающийся к звуку телевещания.

Деревенские жители довольно часто используют старые радиоприемники, которые работают с характерной помехой. Кроме того, в отдаленных деревнях радиоприемник ловит только центральные радиостанции: «Маяк», «Радио России». Стиль и контент этих радиостанций также создают определенное звуковое оформление пространства.

Особенности бытового благоустройства сельских домов влияют на набор звуков, их наполняющих. Так, например, традиционный сельский дом не оснащен сливом, водопроводом или центральным отоплением. Подавляющее большинство домов в деревне, в которой проходило исследование, отапливаются дровами, что порождает целую гамму «деревенских» звуков: грохот дров, принесенных из сарая и сваливаемых у печки, лязг выдвигаемой заслонки, открывающей дымоход. В нашем селе популярны круглые печи, обитые жестью. При открывании и закрывании жестяная дверца издает скрипучий звук. Потрескивание дров, гул пламени, шорох тлеющих углей – все это звуки сельского дома.

Лишь некоторые деревенские дома оборудованы септиками⁵ и уж совсем единицы – водопроводом и горячей водой. Жители берут воду в колодцах. Обыч-

⁵ Септик – элемент локального очистного сооружения, применяется для слива сточных вод в отдельно стоящих зданиях.

но на кухне есть умывальник: для городского уха непривычны звон стержня умывальника, звук воды, льющейся из ведра или кружки при наполнении умывальника, и плеск воды, сливающейся в ведро. Посуду моют в тазу, что также порождает массу звуков, чуждых городскому дому: стук посуды о металлический таз, переливание и всплески воды.

Нередко в доме есть «зимний» и «летний» входы. «Зимнюю» дверь часто утепляют дешевым дерматином. Стремясь закрыть все щели, дверь покрывают «с запасом», так, что дерматин выходит за края двери и задевает пол при открывании и закрывании. Типичный шорох дерматина о пол и шорох дерматина, складывающегося в месте сгиба при открывании двери, – очень характерные для деревенских домов звуки. Нередко деревенские двери оснащены многочисленными запорами и замками. В деревне еще популярны висячие замки, которые бряцают о двери при резком закрывании.

Звуки, слышные в сельском доме с улицы, обусловлены разными факторами, один из которых – традиции строительства деревенского дома. Обычно деревенские дома расположены ближе к дороге, чем городские, окнами к дороге. Гул мотора проезжающей мимо машины – весьма специфический «деревенский» звук. Поскольку машины проезжают редко, то это не гул городского трафика, сливающийся в единый звук. «Деревенский» шум мотора индивидуален. Местные жители без труда отличают звук моторов мотоциклов, легковых и грузовых машин и легко узнают свою машину, по тону мотора определяют, кто подъехал к дому.

В домах, где хозяйка еще не успели вставить пластиковые окна, рамы часто встроены в оконные проемы «намертво» и открывается только форточка. Такие «неоткрывающиеся» окна хорошо защищают от холода и шума во все сезоны. Из-за этого звуки, доносящиеся с улицы, особенно приглушены. При этом уличные звуки вполне различимы для местных жителей, но часто для нашего слуха они оставались недоступны. Для того чтобы слышать и распознавать их, необходимы особые навыки слушания.

В подавляющем большинстве деревенские дома одноэтажные. Звуки улицы воспринимаются в одной плоскости, что создает для сельских жителей общую матрицу звуковых сигналов. По удаленности звука они безошибочно могут определить, кто именно из соседей начал пилить дрова или завел мотор. Располагая соответствующим знанием, можно предполагать, что значение поступающих с улицы сигналов для местных жителей гораздо более информативно, чем для городских исследователей. Например, зная звук мотора трактора, а также зная о том, что трактор в селе – единственный, местный житель может определить, кому сегодня помогает хозяин трактора, кому он помогал вчера и кому неделю назад. Порядок формирования подобной очереди является важной информацией о правилах функционирования формальной и неформальной социальных иерархий, которую местный житель получает, не выходя из дома.

Палитра звуков дает особую атмосферу сельского дома, делает его непохожим на городской, однако по мере модернизации быта различия все больше сти-

раются⁶. Сельский дом не изолирует входящие звуки, он пронцаем для звуков улицы. Посредством звуков, доносящихся с улицы и выполняющих функции сигналов, сельчанин оказывается вписан в общую звуковую матрицу села, связан со многими событиями, происходящими за пределами дома. В этом смысле пространство улицы как бы проникает в пространство дома. Сельский дом не изолирует полностью и исходящие звуки. Быт сельского дома производит достаточное количество звуков, которые слышны в случаях близкого соседства. Стены многоквартирных домов слишком тонки, чтобы скрыть подробности частной жизни соседей. Вопросы невозможности (или нежелания) изоляции исходящих из дома звуков рассмотрены в следующем разделе.

ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ ЗВУКОВОГО СООБЩЕСТВА

В категориях Труа село представляет собой звуковое сообщество, в котором звук выполняет важную коммуникативную функцию, связывая слушающего с окружающей средой (Truax 1984). В этом разделе осуществляется попытка определить границу между публичным и частным в звуковом сообществе современного русского села.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В СЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВЕ ПРИВАТНОСТЬ?

Особенности сельского саундскейпа делают границы привычного частного пространства – то есть дома – пронцаемыми. События, происходящие внутри индивидуального хозяйства или отдельной семьи, могут становиться достоянием всего сообщества. Отчасти эта особенность определяет правила социальных взаимодействий сельских жителей. Например, такое событие частного домохозяйства, как забой овцы, свиньи или коровы, не может быть сокрыто от соседей. Суета, связанная с приготовлениями, голоса взбужденных животных и крик жертвы или звук выстрела⁷ оповестят о событии. Мясом убитого животного принято делиться с соседями. Эта практика многократно осмыслена и описана в категориях неформальной экономики и депозитного дара (Виноградский 1999; Штейнберг 2002; Верховцев 2016). Наряду с этим хотелось бы предположить еще одно назначение подобного обмена: он выступает в качестве платы за отсутствие изолированной частности. Молва о семье, забившей животное, но не поделившей мясом, может негативно сказаться на репутации этой семьи в сообществе.

Звук выносит за пределы частного пространства такие подробности личной и семейной жизни, как ссоры, запои, случаи семейного насилия, вечерние

⁶ За время нашего присутствия в селе многие дома были оборудованы водопроводом и сливом. Жители обзаводятся бытовой техникой. Если еще 10 лет назад автоматическая стиральная машина в сельском доме была исключительной редкостью, то сегодня стиральные машины есть в большинстве домов. На место тарахтящих приходят бесшумные холодильники, старые телевизоры заменяются на новые, а диапазон доступных каналов расширяется с помощью спутниковых антенн.

⁷ Все чаще в селах применяется практика забоя животного посредством ружейного выстрела.

посиделки и семейные торжества. Существует ли совершенно скрытая, неприкосновенная приватность в сельском сообществе – это осталось для нас открытым вопросом. Является ли звукопроницаемость частного пространства лишь элементом правил циркуляции информации в сельском сообществе или именно особенности сельского саундскейпа устанавливают эти правила – еще один вопрос, на который предстоит ответить в будущих исследованиях. Между тем в ходе наблюдений и интервью нам довелось убедиться в том, что такие сугубо интимные вопросы, как адюльтер, бесплодие и даже опыт детоубийства являются достоянием общности и учитываются в характеристике конкретного мужчины, женщины, семьи.

Представления сельских жителей о престижности жилья свидетельствуют о том, что дефицит приватности осознается ими как существенная проблема. Важным критерием качества жилья является его локализация на территории села, изолированность от соседей (не только визуальная, но и аудиальная). Следует уточнить, что тесное соседство в сельском сообществе существенно отличается от подобного феномена в условиях города. Так, житель коммунальной квартиры в городе, лишенный возможности полностью защитить свою приватность в пределах квартиры, не имеет «кулис» перед лицом своих соседей, но при этом имеет возможность выхода в публичное измерение, которое существует автономно от его уязвимой приватности. Такая утрата приватности относительна, так как оставляет возможности «маскировки» перед лицом публичности. В селе же в силу многочисленных наслоений социальных связей тесное соседство лишает человека приватности абсолютно.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В СЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВЕ ПУБЛИЧНОСТЬ?

Так же, как приватное не отделено от публичного, публичное не отделено от частного. Если оттолкнуться от классического хабермасовского утверждения о том, что для функционирования публичной сферы необходима изолированная приватность, ответ на вопрос, поставленный в заголовке этого раздела, должен звучать отрицательно. Вместе с тем другое основание определения публичного – как гласного, открытого, доступного, общего – позволяет размышлять дальше. Исследование саундскейпа раскрывает большое количество звуков, которые слышны всем жителям села и наделены общими разделяемыми смыслами. Например, тот же шум мотора проходящего по трассе автобуса или автомобильные клаксоны, сообщающие о свадьбе всему селу. Однако функциональность этих звуков не несет главного смысла публичной сферы: объединения для достижения общей цели (Habermas [1962] 1989:27). Пространство села наполнено огромным количеством звуков, служащих проводниками социальных взаимодействий или являющихся сопутствующими при обслуживании личного подсобного хозяйства, которые слышны и понятны всему сообществу. Однако звук, слышимый всеми, не является признаком публичности сам по себе. Чтобы стать публичным, он должен преодолеть рутину и обрести функцию консолидации сообщества. В этом смысле концепция коммуникационного саундскейпа Труа не находит ожидаемой преемственности с концепцией публичности Юргена Хабермаса. Саундскейп села является

коммуникационным, но не является публичным. Это доказывается также тем, что в сельском сообществе возникает потребность в конструировании «другой» публичности.

В ходе проекта нам неоднократно приходилось наблюдать ситуативную имитацию публичности. Так, например, обращение друг к другу по имени под влиянием места и ситуации подчас заменяется на обращение по имени и отчеству. Одни и те же лица: глава администрации, директор школы, бухгалтер – могут обращаться друг к другу по имени на улице или в магазине, но в стенах администрации и школы обращение меняется на более официальное. То же самое происходит в момент официальных праздников, бракосочетаний, выборов, сельских сходов и прочих коллективных событий.

ГРАНИЦА МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ И ПРИВАТНЫМ

Привычка социальных ученых (Habermas [1962] 1989; Бурдьё 1993; Арендт 2000) считать дом нулевой точкой отсчета при определении частного пространства в случае сельского сообщества оказывается несостоятельной. Исходя из такого представления, достаточно пройти сквозь двери, чтобы оставить за собой один мир и столкнуться с другим. В случае звукового сообщества российского села это не так. Граница между публичностью и частностью размыта. Публичное и частное пространства глубоко проникают друг в друга. Высокая звукопроницаемость пространства села приводит к тому, что эти два пространства фактически контролируются единым саундскейпом. Частность дома прозрачна, а публичность улицы если не частна, то приватизирована местными жителями.

Первое наше этнографическое наблюдение в селе было связано с привычкой местных жителей здороваться друг с другом. Сравнительно малочисленное население образует «сообщество имен собственных» (Гололобов 2012:69), в котором все не просто знакомы друг с другом, но и включены одновременно в целый набор родственных, дружеских, приятельских или профессиональных отношений. На нас эта практика распространилась сразу после нашего появления в селе. При этом после установления контакта нас неизменно спрашивали «вы чьи?» или «вы к кому приехали?». Согласно Ханне Арендт, «привативный характер частного лежит в отсутствии других» (Арендт 2000:77). В случае села контроль за присутствием «других» осуществляется не в пределах дома, а в пределах села. Общее пространство села обнаруживает признаки частности и противопоставляется публичности внешнего мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникнув как ответвление этнографического анализа, исследования саундскейпа в последние годы активно развиваются, обретают инструментальные параметры (Murphy 2006:465–466). Проведенное исследование показало, что звуковая информация является важнейшим источником социологической информации о жизни сообщества. Между тем метод все же вряд ли может использоваться как единственный источник данных, поскольку колоссальное значение и для поста-

новки вопроса, и для интерпретации данных, и для формулировки выводов имеет контекстуализация исследования: историческая, теоретическая, методологическая. Исключение могли бы составить случаи изучения знакомых сообществ, в которых для исследователя не проблематизирована рутина, однако само по себе это во многом противоречит этнографическому подходу. В случае данного исследования без длительных наблюдений и общения с местными жителями интерпретации не могли бы быть в достаточной мере обоснованными.

На фоне стирания практически всех определяющих оснований характеристика села как звукового сообщества сохраняет устойчивость. Звук сплетает временную и пространственную матрицу социального и физического пространства, транслирует правила, является проводником важной информации для местных жителей. Звуковая среда села структурирует ритмы жизни сельского сообщества, отражает трансформации, задает общую систему координат социальных отношений. Задумываясь или не задумываясь об этом, люди соотносят свое поведение со звуковыми сигналами окружающей действительности.

В звуковом сообществе особым образом достигается равновесие публичного и приватного – одной из основных систем, структурирующих жизни индивидов и согласующих существование сообщества (Эльштайн 2000:64–88). Звукопроницаемость сельского пространства устанавливает принципиально другие, по сравнению с городскими, правила разграничения приватности и публичности внутри села и его общего микроклимата, соотносимого с внешним миром. Для изоляции приватности необходима пространственная дистанция между хозяйствами, однако современный доминирующий тип расселения села ее не предусматривает. Современное российское село – в определенном смысле искусственное образование, сформировавшееся под влиянием огромного количества попыток государственного вмешательства, задававших вектор укрупнения и уплотнения сельских поселений.

Публичность и приватность в селе не имеет такого четкого пространственно-деления, как в городе. Плотная социальная ткань сообщества и ярко выраженная коммуникативная функциональность звуковой среды порождают как дефицит приватности, так и дефицит публичности. Одно и то же пространство в зависимости от ситуации может обретать черты либо приватного, либо публичного. Звуковое сообщество российского села предписывает особые конвенции различения публичности и приватности внутри данной системы, разделяемые местными жителями, а также порядок переключения между этими двумя режимами. Социализация в сельском сообществе учит слышать и понимать окружающие звуки в соответствии с этими конвенциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт, Ханна. 2000. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.
- Богданова, Елена. 2012. «Антропология деревенской двухэтажки: от исследования жилища к исследованию сообщества». С. 105–126 в *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни*, под ред. Елены Богдановой и Ольги Бредниковой. СПб.: Алетейя.
- Бредникова, Ольга. 2012. «Деревня умерла? Да здравствует деревня! Еще раз к вопросу о различиях города и деревни». С. 28–59 в *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни*, под ред. Елены Богдановой и Ольги Бредниковой. СПб.: Алетейя.

- Бурдые, Пьер. 1993. «Физическое пространство и социальное пространство: проникновение и присвоение». С. 33–52 в *Социология политики*. М.: Socio-Logos.
- Верховцев, Сергей. 2016. «Дарообмен в русской деревне: дар как депозит». Неопубликованная рукопись, представленная в ходе Школы пишущего исследователя в Центре независимых социологических исследований, 26–27 февраля, Санкт-Петербург.
- Виноградский, Валерий. 1999. «“Орудия слабых”: неформальная экономика крестьянских домохозяйств». *Социологический журнал* 3/4:36–48.
- Возьянов, Андрей. 2010. «Политики шума, шумовое неравенство и тактики сопротивления шуму: случай ростовской общаги». Cogita.ru. Просмотрено 20 октября 2016 г. (<http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/andrei-vozyanov.-politiki-shuma-shumovoe-neravenstvo-i-taktiki-soprotivleniya-shumu-sluchai-rostovskoi-obschagi>).
- Герасимова, Екатерина. 2000. «Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Ленинграда, 1917–1991)». Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Гололобов, Иван. 2012. «Деревня как не-политическое сообщество: социальная (дис)организация мира собственных имен». С. 59–79 в *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни*, под ред. Елены Богдановой и Ольги Бредниковой. СПб.: Алетейя.
- Освальд, Ингрид. 2012. «Индустриализированная деревня. К трансформации сельского образа жизни в постсоциалистических обществах». С. 8–27 в *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни*, под ред. Елены Богдановой и Ольги Бредниковой. СПб.: Алетейя.
- Штейнберг, Илья. 2002. «К вопросу об определении сети социальной поддержки на селе». С. 275–283 в *Рефлексивное крестьяноведение*, под ред. Теодора Шанина, Александра Никулина и Виктора Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН.
- Эльштайн, Джин. 2000. «Императивы частного и публичного». С. 64–88 в *Хрестоматия феминистских текстов*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Arkette, Sophie. 2004. “Sounds Like City.” *Theory, Culture & Society* 21(1):159–168.
- Corbin, Alain. 1998. *Village Bells: Sound and Meaning in the 19th-Century French Countryside*. New York: Columbia University Press.
- Davis, Bruce, Barry Truax, and R. Murray Schafer. 2009. “Five Village Soundscapes.” Pp. 334–418 in *Acoustic Environments in Change*, edited by Helmi Järviluoma and R. Murray Schafer. Tampere, Finland: TAMK University of Applied Sciences.
- Goffman, Erving. 1971. *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. New York: Basis Books.
- Habermas, Jürgen. [1962] 1989. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: Polity Press.
- Hirschkind, Charles. 2006. *The Ethical Soundscape: Cassette Sermons and Islamic Counterpublics*. New York: Columbia University Press.
- Jay, Martin. 1993. *Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*. Berkeley: University of California Press.
- Kelman, Ari Y. 2010. “Rethinking the Soundscape.” *The Senses & Society* 5(2):212–234.
- Murphy, Damian. 2006. “Spatial Audio Measurement, Modeling and Composition.” *Leonardo* 5(39):464–466.
- Ong, Walter J. 2002. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London: Routledge.
- Pickler, John M. 2003. *Victorian Soundscapes*. New York: Oxford University Press.
- Samuels, David W., Louise Meintjes, Ana Maria Ochoa, and Thomas Porcello. 2010. “Soundscapes: Toward a Sounded Anthropology.” *Annual Review of Anthropology* 39:329–345.
- Schafer, R. Murray. 1973. *The Music of the Environment*. Vienna: Universal Edition.
- Schafer, R. Murray. 1993. *The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Rochester, VT: Destiny Books.
- Shelemay, Kay Kaufman. 2006. *Soundscapes: Exploring Music in a Changing World*. New York: W.W. Norton.
- Susen, Simon. 2011. “Critical Notes on Habermas’s Theory of the Public Sphere.” *Sociological Analysis* 5(1):37–62.

- Truax, Barry, ed. 1978. *Handbook for Acoustic Ecology*. Vancouver: ARC Publications.
- Truax, Barry. 1984. *Acoustic Communication*. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation.
- Truax, Barry. 1995. "Sound in Context: Acoustic Communication and Soundscape Research at Simon Fraser University." *The Journal of the Acoustical Society of America* 97(5):3407–3418.
- Waldock, Jacqueline. 2016. "Crossing the Boundaries: Sonic Composition and the Anthropological Gaze." *The Senses & Society* 11(1):60–67.

RETHINKING PUBLIC AND PRIVATE IN AN ACOUSTIC COMMUNITY: INVESTIGATION OF CONTEMPORARY RUSSIAN VILLAGE

Elena Bogdanova

Elena Bogdanova is a research fellow at the Centre for Independent Social Research (St. Petersburg). She is also a PhD student and visiting lecturer at the University of Eastern Finland. Address for correspondence: CISR, PO Box 193, Saint Petersburg, 191040, Russia. bogdanova.nova@gmail.com.

This article is an attempt to apply the concept of the soundscape to studying the division between public and private spheres in the contemporary Russian countryside. The empirical basis of the study consists of a series of ethnographic observations made over the course of 15 years in a single village in the Northwestern region of Russia. The analysis of sound production and perception by the local populace shows the village to be an acoustic community, wherein background sounds serve as carriers of socially meaningful information. The study finds that the prominent functionality of the village's acoustic environment as a means of communication blurs the line between public and private, reducing privacy while simultaneously curtailing publicity. Depending on the situation, the same space may be either private or public. To help differentiate between the public and the private, the acoustic community of this Russian village prescribes specific conventions, shared by the local residents.

Keywords: Acoustic community; Contemporary Russian Villages; Soundscapes; Public and Private; Ethnography

REFERENCES

- Arendt, Hannah. 2000. *Vita Activa, ili O deiatel'noi zhizni*. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Arkette, Sophie. 2004. "Sounds Like City." *Theory, Culture & Society* 21(1):159–168.
- Bogdanova, Elena. 2012. "Antropologiya derevenskoi dvukhetazhki: Ot issledovaniia zhilishcha k issledovaniiu soobshchestva." Pp. 105–126 in *Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovet'skoi derevni*, edited by Elena Bogdanova and Ol'ga Brednikova. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Bourdieu, Pierre. 1993. "Fizicheskoe prostranstvo i sotsial'noe prostranstvo: Proniknovenie i prisvoenie." Pp. 33–52 in *Sotsiologiya politiki*. Moscow: Socio-Logos.
- Brednikova, Ol'ga. 2012. "Derevnia umerla? Da zdravstvuet derevnia! Eshche raz k voprosu o razlichiiakh goroda i derevni." Pp. 28–59 in *Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovet'skoi derevni*, edited by Elena Bogdanova and Ol'ga Brednikova. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Corbin, Alain. 1998. *Village Bells: Sound and Meaning in the 19th-Century French Countryside*. New York: Columbia University Press.

- Davis, Bruce, Barry Truax, and R. Murray Schafer. 2009. "Five Village Soundscapes." Pp. 334–418 in *Acoustic Environments in Change*, edited by Helmi Järviuoma and R. Murray Schafer. Tampere, Finland: TAMK University of Applied Sciences.
- El'shtain, Dzhin. 2000. "Imperativy privatnogo i publichnogo." Pp. 64–88 in *Khrestomatiia feministikh tekstov*, edited by Elena Zdravomyslova and Anna Temkina. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Gerasimova, Ekaterina. 2000. "Sovetskaia kommunal'naia kvartira kak sotsial'nyi institut: Istoriko-sotsiologicheskii analiz (na materialakh Leningrada, 1917–1991)." PhD dissertation, European University in St. Petersburg.
- Goffman, Erving. 1971. *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. New York: Basis Books.
- Golobov, Ivan. 2012. "Derevnia kak ne-politicheskoe soobshchestvo: Sotsial'naia (dis)organizatsiia mira sobstvennykh imen." Pp. 59–79 in *Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovetskoi derevni*, edited by Elena Bogdanova and Ol'ga Brednikova. Saint Petersburg: Aleteia.
- Habermas, Jürgen. [1962] 1989. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: Polity Press.
- Hirschkind, Charles. 2006. *The Ethical Soundscape: Cassette Sermons and Islamic Counterpublics*. New York: Columbia University Press.
- Jay, Martin. 1993. *Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*. Berkeley: University of California Press.
- Kelman, Ari Y. 2010. "Rethinking the Soundscape." *The Senses & Society* 5(2):212–234.
- Murphy, Damian. 2006. "Spatial Audio Measurement, Modeling and Composition." *Leonardo* 5(39):464–466.
- Ong, Walter J. 2002. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London: Routledge.
- Osva'd, Ingrid. 2012. "Industrializirovannaia derevnia: K transformatsii sel'skogo obraza zhizni v postsotsialisticheskikh obshchestvakh." Pp. 8–27 in *Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovetskoi derevni*, edited by Elena Bogdanova and Ol'ga Brednikova. Saint Petersburg: Aleteia.
- Picker, John M. 2003. *Victorian Soundscapes*. New York: Oxford University Press.
- Samuels, David W., Louise Meintjes, Ana Maria Ochoa, and Thomas Porcello. 2010. "Soundscapes: Toward a Sounded Anthropology." *Annual Review of Anthropology* 39:329–345.
- Schafer, R. Murray. 1973. *The Music of the Environment*. Vienna: Universal Edition.
- Schafer, R. Murray. 1993. *The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Rochester, VT: Destiny Books.
- Shelemay, Kay Kaufman. 2006. *Soundscapes: Exploring Music in a Changing World*. New York: W. W. Norton.
- Shteinberg, Il'ia. 2002. "K voprosu ob opredelenii seti sotsial'noi podderzhki na sele." Pp. 275–283 in *Refleksivnoe krest'ianovedenie*, edited by Teodor Shanin, Aleksandr Nikulin, and Viktor Danilov. Moscow: MVShSEN, ROSSPEN.
- Susen, Simon. 2011. "Critical Notes on Habermas's Theory of the Public Sphere." *Sociological Analysis* 5(1):37–62.
- Truax, Barry, ed. 1978. *Handbook for Acoustic Ecology*. Vancouver: ARC Publications.
- Truax, Barry. 1984. *Acoustic Communication*. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation.
- Truax, Barry. 1995. "Sound in Context: Acoustic Communication and Soundscape Research at Simon Fraser University." *The Journal of the Acoustical Society of America* 97(5):3407–3418.
- Verkhovtsev, Sergei. 2016. "Daroobmen v russkoi derevne: Dar kak deposit." Presented at the Workshop for Reserchers-Writers, Centre for Independent Social Research, February 26–27, Saint Peterburg.
- Vinogradskii, Valerii. 1999. "'Orudiia slabykh': Neformal'naia ekonomika krest'ianskikh domokhoziastv." *Sotsiologicheskii zhurnal* 3/4:36–48.
- Voz'ianov, Andrei. 2010. "Politiki shuma, shumovoe neravenstvo i taktiki soprotivleniia shumu: Sluchai rostovskoi obshchagi." Cogita.ru. Retrieved October 20, 2016 (<http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/andrei-vozyanov.-politiki-shuma-shumovoe-neravenstvo-i-taktiki-soprotivleniya-shumu-sluchai-rostovskoi-obshchagi>).
- Waldock, Jacqueline. 2016. "Crossing the Boundaries: Sonic Composition and the Anthropological Gaze." *The Senses & Society* 11(1):60–67.